

существо, исторію что-то. Какими силами? Тутъ не могутъ помочь бы Оггена, Бисдо? го предѣла, въ семь. За этимъ о гармоніи. Въ прѣмья препода- тами. А между ція не читается рійхъ и семина- пеціальное изу- ного вниманія. филологически, А между тѣмъ *nicht recht gedacht*. исать неумѣнье матеріи просто, вторальную ма- анныя и плохо аютъ специаль- науки. Но это : облегченіе — не могутъ съ в науки. Спе- съ цѣлымъ, и ученіе полити- молодому пре- свья, обычно- ораздо живѣе, сторами и ком- наукъ. Тутъ въ себѣ словно кой, весь со- даго ея роста. для молодого *Шитона*. По-

литика какъ наука и политика какъ искусство ни въ чемъ такъ живо не отражаются, какъ въ книгахъ *Аристотеля* и *Макиавелли*. Курсъ международнаго права безъ *Гроція* виситъ какъ бы на воз- духѣ и возбуждаетъ лишь сомнѣніе въ научномъ характерѣ самого предмета. Нигдѣ такъ рельефно не выразились приемы и вся суть исторической школы, какъ въ книгѣ *Борка* и т. д. Связывая изло- жение своей науки живой личностью классика, комментируя его со- всѣхъ сторонъ, вызывая студентовъ на развитіе его положеній, преподаватель можетъ замѣнить имъ цѣлую бібліотеку учебниковъ болѣе или менѣе компилятивнаго характера. Отсутствіемъ всего этого гейдельбергскій юридическій факультетъ и въкоторыя части философскаго страждутъ неимоверно*).

Я оставляю въ сторонѣ всѣ свѣтлыя стороны гейдельбергской университетской жизни: онѣ извѣстны всѣмъ и производятъ на русскихъ такое же отрадное впечатлѣніе нынче, какъ 25-ть лѣтъ этому назадъ, во времена Рѣдвина (см. его юридическія записки первыхъ годовъ).

Лейпцигъ, 16/28 октября 1863 года.

3) Кандидата А. Веселовскаго.

Отношенія занимающагося исторіей всеобщей словесности къ литературамъ славянскихъ народовъ опредѣляются прежде всего его широкой задачей. Съ точки зрѣнія этой задачи имъ можетъ быть отведено только второе и третье мѣсто въ общемъ ходѣ евро- пейскаго литературнаго развитія; долгое время имъ приходилось идти задними путями, проходить по тѣмъ дорогамъ, на которыхъ давно простыли слѣды другой, болѣе счастливой цивилизаціи. Это тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ далѣе къ востоку и югу мы станемъ подвигаться въ славянскомъ мірѣ. Русская живопись XVI—XVII вѣковъ стоитъ на ряду съ итальянской XIV и XV столѣтій и еѣ повторяетъ; литература нашихъ народныхъ повѣстей пробавлялась такими но- визнами, которыя въ остальной Европѣ уже пережили пору живо- трепещущаго интереса. Мы часто и много жили заимствованіями. Разумѣется, заимствованія переживались съизнова; внося новый ма- теріалъ въ нравственную и умственную жизнь народа, онѣ сами

*) Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что профессоръ Целлеръ объя- вилъ въ зимнемъ семестрѣ философскій конфераторій. Этими устраненъ главный недостатокъ его преподаванія, охарактеризованнаго въ моемъ послѣднемъ отчетѣ.

измѣнялись подъ совокупнымъ вліяніемъ той и другой. Итальянскій Felicani становился Полканомъ русскихъ сказокъ. Трудно рѣшить въ этомъ столкновеніи своего съ чужимъ, внесеннымъ, какое вліяніе перевѣшивало другое: свое или чужое. Мы думаемъ, что первое. Вліяніе чужаго элемента всегда обуславливается его внутреннимъ согласіемъ съ уровнемъ той среды, на которую ему приходится дѣйствовать. Всѣ, что слишкомъ рѣзко вырывается изъ этого уровня, останется не понятымъ или поймется по своему, уравнивается съ окружающей средой. Такимъ образомъ самостоятельное развитіе народа, подверженнаго письменнымъ вліяніямъ чужихъ литературъ, остается ненарушеннымъ въ главныхъ чертахъ: вліяніе дѣйствуетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину, оно болѣе даетъ матеріала, чѣмъ вноситъ новыя идеи. Идею создаетъ самъ народъ, такую, какая возможна въ данномъ состояніи его развитія. Всѣ это даетъ намъ право даже въ литературахъ заимствованія, каковы въ особенности славянскія, искать самостоятельности жизни. Всѣ, что обыкновенно говорится о нарушенномъ ходѣ образованія, о надломанной исторической жизни и губительномъ вліяніи Византизма и т. п. надо понимать не иначе какъ въ указанныхъ границахъ.

Другое болѣе близкое отношеніе къ славянскимъ литературамъ дано въ народности занимающагося. Субъективность взгляда опредѣляется не только личностью, но народомъ и племенемъ, къ которымъ личность принадлежитъ. Объективное представленіе по просту не возможно, (сл. Маколей о Галламѣ). О важности славянскихъ литературъ, какъ посредствующихъ звеньевъ, путемъ которыхъ доходили до насъ произведенія западной фантазіи и западной науки—было говорено много разъ. Мы были послѣдніе, третьи въ союзѣ—im Bunde die dritten.

Цѣлью моего пребыванія въ Прагѣ было познакомиться ближе съ литературами славянскихъ народовъ, на сколько это нужно для моихъ болѣе общихъ цѣлей. Здѣсь это удобнѣе и легче и можно это сдѣлать исподоволь, не прерывая другихъ занятій. Прежде всего меня занялъ вопросъ о краледворской рукописи, за которую здѣсь еще недавно происходила такая-же жаркая борьба, какая о кладѣ Нибелунговъ у нѣмцевъ. Русская публика вѣроятно познакомилась съ нѣкоторыми событіями этой борьбы изъ писемъ г. Пыпина; о послѣднихъ результатахъ чешской критики есть статья г. Кунicka. Мнѣ казалось совершенно бесполезнымъ перечитывать всю литературу мелкихъ статей, критикъ и антикритикъ, вызванныхъ вопро-

другой. Итальянскій о краледворской рукописи. Онъ перечисленъ въ книгѣ Jireck'a, о которой нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны мнѣ были еще прежде; всѣ вмѣстѣ же имѣютъ только историческій интересъ, особенно теперь, когда переводы отрицающей школы и доказательства положительной собраны и приведены въ порядокъ въ книгахъ Фейфалика и Jireck'a. На нихъ я и обратилъ преимущественно вниманіе; подспорьемъ было фотографическое изданіе рукописи Вртяткой (Rukopis Kralodvorsky, Vydani fotografické. S úvodem, vysvětlujícím popisem a opravěným textem od Ant. Jaroslava Vrtátka. V Praze 1862). Результаты этого изданія преимущественно орфографическіе и палеографическіе; замѣчательныхъ отмѣнъ противъ чтенія прежнихъ издателей мало: Zab. a Slaw. pence вм. pence; Ben. Herm. taino вм. tamo; Jarosl. rozvoichu вм. rozvojichu; ibid. jasno вм. casno; Cestm. a Wlas. iarno вм. neponjatnago urno, которое прежніе издатели думали объяснить при помощи всякаго рода филологическихъ сближеній. Ст. Wyborz literatury ceske dil I, стр. 1267 ad v. urno — adv. ohnivc, prudce, rasch 22 (cs. vind. uren et vuren = rasch, hurtig cf. hebr. ur = ignis, lat. uro. sansc. uru = weliky, graec. εἰρως)? Jarno также не попадается въ старочешскихъ памятникахъ, но смыслъ его очевиденъ = animosus *Ζυμικός*, жарый; Воцель воспоминаетъ о «юрнѣ» въ кириллицей писанномъ материкѣ XV столѣтія, сербскаго извода (Императ. вѣнск. библ. мнс. XXIII). Вртятко готовитъ новое фотографическое изданіе нѣкоторыхъ листовъ рукописи въ увеличенномъ размѣрѣ. Едва ли приведетъ оно къ какимъ-нибудь новымъ результатамъ, да едва ли оно нужно для защиты краледворской рукописи. Ея неподложность достаточно доказана. Какъ поднятый въ первой четверти нынѣшняго столѣтія споръ о семундовой рѣдѣ блистательно разрѣшенъ въ ея пользу, такъ будетъ и теперь. «Да, я думаю, мы можемъ и теперь уже отдаться полной увѣренности, что неподложность краледворскихъ стихотвореній выйдетъ изъ горнила критика не тронутая и свѣтлая, какъ изъ огня золото, — добавляетъ проф. Воцель (Die Echtheit der Königinhofer Handschrift, Prag 1863 — развитіе его же статьи, помѣщенной въ 1-мъ № Casopisa musea kralovstvi ceskeho за текущій годъ: Správa kralodvorskeho rukopisu obrané Ios. a Herm. Jireck'a). Нападки противниковъ только навели защитниковъ ея на болѣе близкое знакомство съ дѣломъ, понудили къ частнымъ изслѣдованіямъ, которыя безъ того никогда-бы не были предприняты. Благодаря этому текстъ краледворской рукописи изслѣдованъ до мелочей. А изслѣдованіе всё еще дѣлится. Такъ въ новой легендѣ о

св. Меодіи, недавно напечатанной въ Бѣлградѣ Яномъ Шафарикомъ (хиладуюдишна светковина за спомен. слав. апостола св. Кирила а Мемодија. У Београду 1863) J. Jiresek находитъ новое подтвержденіе своей догадки, что «kral» въ пѣснѣ о Забоѣ и Слабоѣ не нарицательное имя, какимъ оно сдѣлалось впоследствии (краль, король—carolus), а собственное Карль и должно быть отнесено къ Карлу Великому. Въ легендѣ «kral», разумѣется, должно означать лице Карла Толстаго, + 888, потому что дѣло идетъ о времени перевода святаго писанія на славянскій языкъ и другаго Карла за эту пору въ нѣмецкихъ императорахъ не обрѣтается. Вотъ самый текстъ: «царь бѣше грѣчьскми Василю а Българомъ отъ бога князь Борисъ, Краль нѣмечьскимъ людемъ».

Въ прошломъ мѣсяцѣ мнѣ удалось на нѣсколько недѣль заглянуть въ Сербію. Мелкія литературы, какова сербская, изучаются только у себя дома; только книги ученаго содержанія, и то не всѣ, проникаютъ за границу; литература журналовъ, политическая и изящная, не имѣющая такого общаго значенія, рѣдко выходитъ за порогъ; ея значеніе и жизнь не отдѣлились отъ почвы. Къ сожалѣнію время и средства принудили меня ограничиться Новымъ Садомъ и путешествіемъ по монастырямъ Фрушкой Горы. Здѣсь видѣнія славянскій взаимности осуществились для меня въ самыхъ оригинальныхъ, неожиданныхъ формахъ. Во время моего пребыванія въ Новомъ Садѣ только что вышелъ сербскій переводъ Лермонтова: Герой нашего времени (перев. Поповича, редак. Даницы), давнымъ давно извѣстнаго на западѣ. Славянская взаимность и здѣсь опоздала. Я узналъ между прочимъ, что въ Россіи французскій языкъ чуть-ли не офиціальныи; меня пренаивно спрашивали по поводу новосадской театральной труппы, есть-ли у насъ въ Россіи русскій театръ; и выходятъ-ли такіе обстоятельныя журналы, какъ Даница? А Даница за годъ, что одна книжка любаго русскаго журнала за мѣсяць. Вообще, въ своихъ свѣдѣніяхъ о Россіи, дальше 30 годовъ нынѣшняго столѣтія здѣсь не пошли.

Прага, 29-го октября 1863 года.

4) Кандидата Н. Таганцева.

Лѣтній семестръ уже окончился и я имѣю теперь возможность дать болѣе подробный отчетъ о курсахъ, выслушанныхъ мною въ Берлинскомъ университетѣ.

ИЗЪЛЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Доктора Н. Ковалевскаго.

(За лѣтній семестръ 1863 года).

Въ предъидущемъ отчетѣ я упомянулъ, что лѣто 1863 года я намѣренъ посвятить аналитико-химическимъ работамъ въ лабораторіи профессора Кольбе, въ Марбургѣ. Я не считаю нужнымъ распространяться о значеніи ихъ для занимающагося физиологіей, потому что всякій, болѣе или менѣе знакомый съ характеромъ экспериментальныхъ физиологическихъ работъ, знаетъ, что физиологу безъ извѣстной опытности въ анализѣ обойтись невозможно, что на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ онъ надобность обращаться къ средствамъ и методамъ, выработаннымъ въ химической лабораторіи. Скажу только о ходѣ моихъ занятій въ Марбургѣ. Такъ-какъ особенно въ аналитической химіи важна систематическая постепенность въ работахъ, сохраняющая время и трудъ, то я и подчинился ей вполне, и только за изученіемъ реакцій на простыя тѣла, за качественнымъ анализомъ солей, за методами отдѣленій я перешелъ къ количественному вѣсовому и объемному анализу.

Въ заключеніе же я работалъ съ анализомъ газовъ по методамъ, которыя возникли нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Марбургской лабораторіи трудами бывшаго профессора Бунзена. Бунзень, котораго по справедливости можно назвать основателемъ газометрическихъ методовъ, работалъ въ то время вмѣстѣ съ своимъ ассистентомъ, теперешнимъ профессоромъ Кольбе. Поэтому понятно, что по части газоваго анализа я нашелъ въ Кольбе чрезвычайно опытнаго наставника, а это для меня очень важно, потому что съ газовыми работами мнѣ придется часто сталкиваться. При газометри-